

ПРИНЦИП ФОРМАЛЬНОЙ (ЮРИДИЧЕСКОЙ) ИСТИНЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ОПАСНОСТИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ВНУТРЕННЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

THE PRINCIPLE OF FORMAL (LEGAL) TRUTH IN CIVIL PROCEEDINGS: THE DANGERS OF LAW ENFORCEMENT AND THE INTERNAL CONTRADICTION OF LEGAL REGULATION

V. Kudriavtseva

Summary. This article continues to achieve the goal of researching the problems of deep contradiction between the principle of formal (judicial) truth and the goals of civil procedure. The subject of the research is the existing developments in the theory of civil procedural law, the empirical base consists of materials of law enforcement practice. The research was conducted using general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, induction, analogy), as well as the method of historical comparison, the formal legal method. The problem is considered from the standpoint of a systematic approach. According to the results of the research, the author demonstrates the latent contradiction of the idea of formal (legal) truth to the fundamental provisions of civil procedure law, which can be used in the analysis of other recent reforms in the field of law. For the first time in the theory of civil procedure law, the question is raised about the contradiction of a single idea being introduced at the present stage of legal reform to a system of well-established basic provisions, which generates an internal logical inconsistency of the Russian legal system.

Keywords: objective truth, formal (judicial) truth, evaluation of evidence, equality of means of proof, principle of civil procedure law, principle of law.

Кудрявцева Вера Павловна

Кандидат юридических наук, доцент, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева»
kvp001@usla.ru

Аннотация. Настоящая статья продолжает достижение цели исследования проблематики глубокого противоречия принципа формальной (судебной) истины целям гражданского процесса. Предметом исследования выступают имеющиеся наработки в теории гражданского процессуального права, эмпирическую базу составляют материалы правоприменительной практики. Исследование проведено с помощью общенаучных методов познания (анализ, синтез, индукция, аналогия), а также метода исторического сравнения, формально-юридического метода. Проблематика рассмотрена с позиций системного подхода. По результатам исследования автором продемонстрировано латентное противоречие идеи формальной (юридической) истины основополагающим положениям гражданского процессуального права, что может быть использовано при анализе иных реформ последнего времени в сфере права. Впервые в теории гражданского процессуального права ставится вопрос о противоречии отдельно взятой внедряемой на современном этапе реформирования права идеи системе устоявшихся базовых положений, что порождает внутреннюю логическую противоречивость системы права России.

Ключевые слова: объективная истина, формальная истина, оценка доказательств, равенство средств доказывания, принцип гражданского процессуального права, принцип права.

Реальное проявление принципа формальной (юридической) истины в правоприменительной практике сводится к идее непротиворечия юридических документов. То есть на первый план выдвигается концепция соответствия документов друг другу, а не соответствия документов тому, что произошло на самом деле. Представляется, что вопрос, насколько при таких обстоятельствах ценна идея состязательности сторон, становится риторическим. Суд не менее заинтересован в установлении «истины», только теперь краеугольным камнем стало не положение, что добытые доказательства должны быть максимально приближены к действи-

тельным обстоятельствам (именно поэтому в советское время внимание процессуалистов приковывала и идея вероятностей [2], в условиях действия принципа непротиворечия документов друг другу эта идея выродилась до заимствованного из англо-саксонской системы «стандарта доказывания» [обзор позиций по этому вопросу см., например: б]), а ценность согласования документов между собой, чтобы между ними не было противоречий, а что было на самом деле — никого не интересует.

Ярким примером, демонстрирующим, что принцип объективной истины давно «похоронен» профессио-

нальным сообществом, может служить следующее дело, которое также стало предметом сюжета одной из программ-расследований, транслированной на центральном канале нашей страны [1]. На детской площадке произошел несчастный случай: во время игр мальчик тринадцати лет, прыгая с детской горки, столкнулся с девятилетней девочкой. В результате столкновения девочка упала и получила повреждение ноги. По результатам доследственной проверки инспектором по делам несовершеннолетних было отказано в возбуждении уголовного дела в связи с недостижением мальчиком возраста уголовной ответственности. В рамках гражданского процесса дело рассматривалось после проведенной доследственной проверки, в основу решения суда по этому делу легли постановление инспектора по делам несовершеннолетних и иные документы, собранные в рамках уголовно-процессуального законодательства. Однако в этих документах элементы объективной стороны состава достоверно не установлены: в частности, факт деяния (столкновение детей на детской площадке) установлен в постановлении из слов пострадавшей, ее матери (которые свои объяснения меняли, но оценки этого обстоятельства инспектором не было представлено), а также свидетелей последствия (сестер пострадавшей, которые не видели факта столкновения детей), при этом объяснения самих детей-участников события разнятся, а показания от очевидцев (других детей, гулявших на детской площадке) не были взяты, также не был произведен осмотр места происшествия в соответствии с требованиями УПК России (статьи 176–177) для установления физических закономерностей происшествия. Также сделан однозначный вывод о наличии причинной связи между деянием (столкновение детей) и последствием (перелом ноги) из средств доказывания с низкой степенью достоверности (в частности, экспертизы, произведенной по договору с матерью пострадавшей девочки и содержащей вывод о причине повреждения вследствие «удара тупым предметом», в рамках доследственной проверки экспертиза должностным лицом не была назначена, что нарушает правила статей 196, 197 УПК России). При рассмотрении гражданского дела позиция ответчика, основывавшегося на ст. 56 ГПК России, оспаривавшего факт события (посредством просьбы о допросе свидетелей — детей-очевидцев события) и причинной связи (посредством просьбы о назначении экспертизы о причинах и давности повреждения здоровья), была судом полностью отклонена, решение принято на основании доказательств, представленных только стороной истца. Указанное дело — яркий пример, когда во втором деле перед судом на идее «равенства средств доказывания» (которая в условиях действующего регулирования фактически не работает) с одной стороны представлены средства доказывания, подтверждающие состав деликта, а с другой стороны позиция ответчика, которая может опровергнуть образующие состав деликта элементы. В условиях действия принципа формаль-

ной (юридической) истины критерием подбора доказательственного материала и оценки их достоверности становится их непротиворечивость друг другу, именно поэтому, как представляется, суд по изложенному делу отказал ответчику в возможности отстоять свою позицию: непротиворечивая картина произошедшего была бы разрушена также сомнительными с точки зрения достоверности средствами доказывания (показания детей, хотя бы и очевидцев события, а также экспертиза пострадавшей после частичного восстановления её здоровья по прошествии длительного времени). Между тем, цитируемое дело представляет пример нарушения целого комплекса принципов гражданского процессуального права: процессуального равноправия (ответчику, в сущности, было полностью отказано в использовании процессуальных возможностей по оспариванию фактов, положенных в основу иска), помощи суда стороне в представлении доказательств (суд отказал в допросе свидетелей, назначении экспертизы — то есть тех средствах доказывания, которые без властного предписания суда не могут быть стороной представлены), равенства средств доказывания (приоритет отдан официальным документам, вывод о достоверности которых сделан на факте их юридической силы), наконец независимости суда и законности.

Необходимо отметить, что наличие юридической силы у официальных документов для суда в условиях действия принципа объективной истины не имеет основополагающего значения, так как в стремлении установить действительные обстоятельства произошедшего суд был бы обязан принимать любые источники информации, собранные в соответствии с требованиями законодательства. Как совершенно верно было отмечено И.И. Мухиным, «доброкачественность процессуального источника сама по себе еще не означает достоверности полученных от него сведений о факте» [8, С. 13].

Этот пример далеко не единственный, хотя и очень наглядный. Таких ситуаций, когда не просто непонятно, что произошло на самом деле, но в результате судебного вмешательства всё только ухудшилось, в современной практике, к сожалению, очень много. Например, массово порождает проблемы в жизни общества такой системный сбой, когда спустя какое-то время после вынесения судебного приказа (конечно же, после пропуска всех процессуальных сроков обжалования и отмены судебного акта при невозможности их восстановления, или когда обстоятельства жизни кардинально меняются, что делает постановленный судебный акт дестабилизирующим жизнь фактором) и даже его исполнения должник решает защитить свои права через иск. Здесь происходит самый настоящий слом не только в законодательном регулировании, но и в научном осмыслении, так как системный взгляд на ситуацию и темпоральное действие права зачастую остаются даже за пределами

научного внимания. В нашей системе права по существу нет такого способа защиты права, как отмена судебного акта (подобие этого института имеется в Семейном кодексе России, когда перед судом ставится вопрос прекращения выплаты алиментов (пункт 2 статьи 120 Семейного кодекса России), и любой представитель юридического сообщества знает, что отмена судебного акта возможна только через использование инструментария обжалования), с актами органов исполнительной власти препятствующим фактором служит институт давности обращения с жалобой или административным иском. С учетом этого обстоятельства и преюдициального значения судебных актов (проблематика преюдиции в отношении судебных приказов уже ставилась научным сообществом [4, С. 221–222]) в настоящее время приобрела массовый характер ситуация, когда в одном судебном акте «установлены» одни факты с соответствующими властными предписаниями, а в другом — противоположно иные. Например, когда после нескольких лет исполнения судебного приказа о взыскании алиментов плательщик алиментов (чаще всего это отец ребенка) обращается с иском об оспаривании отцовства. Всеобщность права на судебную защиту (статья 46 Конституции России) и ликвидация исковой давности по таким требованиям (статья 9 Семейного Кодекса России, для сравнения: абзац 5 статьи 49 Кодекса о браке и семье РСФСР устанавливал, что «лицо, записанное в качестве отца или матери ребенка, вправе оспорить произведенную запись в течение года с того времени, когда ему стало или должно было стать известным о произведенной записи») сформировали «кривое зеркало», в которое здравомыслящему человеку лучше не смотреть. Нет нужды дополнительно аргументировать, что требование «отменить судебный приказ о взыскании алиментов» в качестве предмета иска абсолютно противоправно (но неизбежно), так как законодательные нововведения надстраивались на совершенно иную правовую систему без глубокого анализа их соотносимости и непротиворечия, иском судебный приказ «обнулить» невозможно. И в случае если юристы ограничиваются лишь указанием в просительной части искового заявления требования об исключении актовой записи об отце из документов ребенка (в настоящий фарс превращается ситуация, когда исполнительное производство на период рассмотрения такого дела вообще отсутствует — например, мать ребенка отозвала судебный приказ — так как попросить о прекращении завершеного исполнительного производства объективно невозможно, а значит, даже приставов не вызвать в качестве «третьих лиц без самостоятельных требований», поскольку нет действующего основания их привлечения), то принудительное взыскание алиментов на ребенка с такого «не отца» продолжится. Так, например, в одном деле факт отцовства сначала в рамках приказного производства был подтвержден презумпцией отцовства супруга, затем опровергнут решением суда на основании процессуальной фикции, так

как бывшая супруга не привела ребенка для проведения генетической экспертизы, и суд применил ч. 3 статьи 73 ГПК России [10]. Судебная система провела два(!) процесса, и ни в одном точно не установила, имеется ли между ребенком и отцом действительная генетическая связь. Два противоположных по смыслу акта продолжают действовать и порождать юридические последствия (а в случае уклонения от уплаты алиментов — еще и уголовно-правовые по статье 157 УК России). К сожалению, подобного рода дел (не только в спорах об оспаривании отцовства/материнства) не десятки и не сотни.

Следующее последствие, на которое стоит обратить внимание, это поспание принципа доказательственно-го права о равенстве всех средств доказывания у суда. В новой логической норме (которая разорвана на несколько статей) прослеживается принцип формальной истины в своем классическом выражении — по документам всё должно быть хорошо и «сочетаемо». Идея объективной истины обслуживала идею-надстройку о равенстве средств доказывания, так как выступала тем самым «мерилом», «весами», на которых суд взвешивал все средства доказывания и выявлял, что больше подходит на истину. Сейчас этот фундамент из доказательственной деятельности суда выбит, на какой идее судье остаётся основывать сопоставление представленных сторонами средств доказывания? Только на идее их непротиворечия, и здесь ярко высвечивается корпоративность на государственном уровне: если до суда какой-то правоприменитель уже высказался по вопросу, и его постановление не оспорено, значит, это постановление берется за основу. Таким образом, идея формальной (юридической) истины выступает основой для возрождения принципа формальной оценки доказательств, изжитого в советского время [11, С. 163]. И в этой связи нельзя ли прийти к выводу, что такое положение формирует недопустимую взаимную связь между средствами доказывания, делая суд зависимым от результатов имевших место до гражданского процесса по рассмотрению конкретного дела иных производств (уголовного, административного, нотариального, третейского разбирательства, особенно если на решение третейского суда уже выдан исполнительный лист, что лишает возможности оспорить это третейское решение, и т.д.)? Таким образом, нарушается один из базовых принципов правосудия — независимости суда при его отправлении. Этот вывод, например, подтверждается, частью 5 статьи 61 ГПК России, закрепляющим особую «достоверность» нотариального акта для суда (в методической литературе получившего название «квалифицированное доказательство» [15, С. 163]), рассматривающего гражданское дело, пока этот акт не оспорен в порядке главы 37 ГПК. То есть закрепив обязательность этого средства доказывания для суда, законодатель, во-первых, поспрал принцип равенства всех средств доказывания (ч.2 ст. 67 ГПК России), разбалансировав идею их достоверности в зависимо-

сти от того, является ли доказательство официальным документом и не было ли оно отменено по результатам соответствующих процедур обжалования, и, во-вторых, сделал их содержание для суда обязательным, выведя за пределы фокуса рассмотрения на предмет их достоверности. В результате совокупность юрисдикционных актов выстраивает вокруг установленных в них обстоятельств своеобразную «юридическую броню», которую невозможно преодолеть посредством предоставленных законодателем процессуальных средств защиты в конкретном судебном процессе, где разрешается спор о праве. Это регулирование в самом фундаменте разбивает идею равенства средств доказывания для суда, при котором, в частности, достоверность письменных доказательств должна была устанавливаться не через их юридическую силу, а через сопоставление их содержания со сделанными в них выводами [см. об этом, например: 13, С. 101].

Однако при сонстройке уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной систем или гражданской процессуальной системы в контексте влияния на делящиеся правоотношения не учитывается:

- 1) рассинхронизация темпа цивилистического и уголовного опровержения постановлений (так, в соответствии со статьями 123, 125 УПК России вообще не установлен срок оспаривания в суде постановлений органов предварительного расследования по делу, а потому привязка к их «истинности» при рассмотрении вопросов-следствий в целом губительна), если гражданское дело закрывает частные или производные вопросы уголовного дела (материалов);
- 2) темпоральное действие права — так как с течением времени обстоятельства жизни могут меняться, появляться новые факты — что не позволяет правоприменителю для реализации идеи социальной справедливости учитывать эти изменения и более гибко работать с представленными средствами доказывания (опять же, мерилom здесь может быть только реальная жизнь, а значит, должен работать принцип объективной истины).

К числу последствий истребления принципа объективной истины можно отнести возникновение, развитие и, как следствие, попадание в фокус научного внимания, такого феномена, как теория процессуального риска [5, 9, 12, 14]. Также неожиданным следствием отказа от объективной истины служит такое, казалось бы, позитивное явление, как более широкий спектр оснований для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с фальсификацией доказательств, преступлениями состава суда или лиц, участвующих в деле. Верховный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 11.12.2012 N 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации

при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» (абзац 3 пункта 10) дал разъяснение (несомненно, исключительно для достижения позитивного эффекта правоприменения и исправления возникших при отправлении правосудия ошибок), что основанием к такому пересмотру служат не только обвинительный приговор (как то всегда требовал закон, особенно это важно в контексте работы конституционной презумпции невиновности), но и постановления органов предварительного расследования, а также суда о прекращении уголовного дела (или преследования) ввиду истечения давности привлечения к уголовной ответственности и иных обстоятельств. Безусловно, идея того, что в постановлениях властных органов изложенные данные соответствуют тому, что было на самом деле, благородна, но так ли это в действительности? Ведь в таких случаях основанием для пересмотра служит не однозначный акт, фиксирующий противоправное деяние и опровергнувший гарантированную Основным законом нашего государства презумпцию невиновности, а служебный процессуальный документ, соответствие которого действительным обстоятельствам вообще никем не проверено и, более того, должно охраняться указанной конституционной презумпцией невиновности. И в таком случае опять возникает двоякая ситуация: в силу действия этой презумпции «лгавшее» или «фальсифицировавшее» лицо считается невиновным и ничего не совершавшим, но само уголовное (административное) дело становится той «черной дырой», которая втягивает в себя юридический результат другого дела. Представляется, что такое разъяснение Верховного Суда России — это игра в адвоката дьявола. В любом из двух вариантов регулирования (когда основанием к пересмотру становится исключительно обвинительный приговор и когда основанием к пересмотру могут служить иные процессуальные акты, не фиксирующие полный состав преступления или правонарушения) судебные акты находятся в согласовании, то есть формальная (юридическая) истина достигнута, только в первом варианте больше ясности (даже если она также не соотносится с действительностью, поскольку принцип объективной истины вычеркнут также из уголовного процесса — то есть государство, по сути, признало, что ему всё равно, кто совершил преступление, главное — чтобы по документам всё сошлось), а во втором — при расширительном толковании — происходит настоящая рассинхронизация регулирования не только с объективной реальностью, но и внутри себя, так как в отсутствие однозначного обоснования и более достоверной фиксации система правосудия должна пересматривать постановленные и порождающие юридические последствия (и очень часто даже полностью исполненные с большими финансовыми, организационными и временными затратами с привлечением властных органов, например ФССП России) акты, изменять их

только из-за факта подозрения, но не точно установленного события. Представляется, что такое расширение юридической силы (преюдициальности) судебных актов порождено именно ликвидацией принципа объективной истины.

Очень часто решая юридическую проблему «здесь и сейчас», представители юридического сообщества не видят отдаленных последствий своих действий, не осознают системный характер воздействия права и его влияние на судьбы людей достаточно длительное время спустя. Иными словами, юрист не понимает в текущем моменте, что, вполне возможно, в отдаленном будущем результат его действий негативно скажется на жизни человека. Например, по упомянутому делу о несчастном случае на детской площадке, если вдруг впоследствии этот мальчик решит связать свою профессиональную жизнь с социально значимой сферой, правоохранительной, служебной, иной подобной, то он не сможет реализовать свой потенциал, ведь в случае проверки соответствующими ведомствами его карьера даже не начнется, так как «постановление об отказе в возбуждении уголовного дела *ввиду недостижения возраста уголовной ответственности*» станет тем черным пятном в биографии, закрывающим доступ к ряду профессий (если будучи ребенком уже такое творил, что уж говорить о взрослой жизни?). А что же произошло тогда на самом деле — государству, несомненно, будет всё равно: момент упущен. И понимание, что такое возможно не из-за чьей-то разовой пропущенной ошибки, а из-за системной настройки всего механизма правоприменения, только рождает сочувствие к нашим гражданам, поскольку тогда приходит приближенное осознание масштаба такой практики. Представляется, что этот аспект нашей профессиональной деятельности нуждается в глубинном переосмыслении. Врач своим незнанием «убивает», а юрист — «ломает судьбу».

Приведенные отдельные примеры судебной практики наглядно показывают, что проблема кроется не в конкретных нормах или институтах отрасли (отраслей) права, а в изначальной настройке правового инструментария, возведения нормативного массива на, как видится, глубоко порочной системе идей под прикрытием «позитивных», «демократических», «либеральных» преобразований права. Представляется, что реформу законодательства через предоставление всяческих «свобод», которые, по сути, если внимательно их изучить, таковыми никогда не являлись и не являются, стоит уже завершить. Кроме того, постоянное изменение законодательства может быть сравнено с постоянным изменением протоколов лечения в медицинских учреждениях, вряд ли кто-нибудь в здравом уме сможет когда-либо аргументировать, что такая перманентная динамика будет работать исключительно во благо общества. Эти эта-

пы непрекращающегося реформирования всё больше подводят к мысли, что государство будто не должно знать, что происходит на самом деле с его гражданами. Видится очень точным высказанное век назад мнение В.А. Краснуковского, что «имея перед собой факт утверждения стороной о существовании права, суд должен принимать меры к тому, чтобы выяснить, насколько этот факт соответствует праву. Предоставить же выяснение этого самим тяжущимся невозможно ввиду того, что решение в этом случае будет зависеть не от правильности заявлений той или другой сторон, а от того, насколько та или другая сторона обладает большим искусством в ведении процесса». И далее: «суд не орудие, которое используется сторонами, ... а руководитель процесса» [7, С. 44, 45]. Таким образом, уже век назад в российской юриспруденции было высказано и аргументировано положение о необходимости сохранения принципа объективной истины.

Можно смело с позиции «прожитых» государством в новой юридической реальности лет заключить, что идея почти неограниченной диспозитивности в гражданском процессе (в настоящей статье эта идея затронута лишь вскользь, но её детальный анализ и сопоставление достигнутых результатов заявленным в начале реформирования, представляется, покажет такую же картину) и верховенства формальной (юридической) истины сущностно ущербна, глубинно ошибочна и порочна, находится в экзистенциальном противоречии с назначением судебной власти — защитить «пострадавшее» лицо, восстановить социальную справедливость, а потому должна быть системно пересмотрена, подвергнута жесткой ревизии и приведена в соответствие с базовыми положениями (основами конституционного строя) нашего государства. Стоит отметить, что и в уголовном судопроизводстве имеются принципиальные взгляды на возвращение принципа объективной истины в уголовный процесс [см., например: 3].

В заключение необходимо отметить, что на практике подчинение принципу формальной (юридической) истины (а точнее: отсутствие обязанности у суда установить действительные обстоятельства дела) нарушает совокупность других идей, базовых положений права (о равенстве средств доказывания, о процессуальном равноправии сторон, о независимости суда при отправлении правосудия), подчеркивая внутреннюю противоречивость системы права России, непрозрачность логики деятельности судебной системы и непредсказуемость ее результатов, что порождает в том числе и проблему недоверия ей со стороны населения. Система права — это единое целостное образование (социальный регулятор), внутренняя противоречивость которого недопустима и социально опасна.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Человек в праве» с Андреем Куницыным. Выпуск от 23 июня 2024 года. Сюжет 3 «Кто за кого в ответе» // [Электронный ресурс]: URL: <https://rutube.ru/video/b053bdaecc8c8961fb21b2b7acb9786/> (дата обращения: 12.10.2024); Материалы дела предоставлены для исследования стороной.
2. Барашков С.А. Достоверность и вероятность в советском гражданском процессе: Автореф. дис. . . . канд. юрид. наук. М., 1986.
3. Динека В.И., Гулый А.А., Денисенко М.В. Объективная и процессуальная истина в уголовном деле // Российский судья. 2025. № 9.
4. Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007.
5. Звягина Н.С. Процессуальный риск в гражданском и арбитражном судопроизводстве: дис. . . . канд. юрид. наук, Воронеж, 2023.
6. Корноухова П.Е. Реализация принципа свободной оценки доказательств в гражданском процессе // Арбитражные споры. 2025. № 2.
7. Краснокутский В.А. Очерки гражданского процессуального права: Опыт систематизации законодательства РСФСР и СССР по судоустройству и гражданскому судопроизводству [Кинешма, 1924]. М.: ИД «Городец», 2025.
8. Мухин И.И. Важнейшие проблемы оценки судебных доказательств в уголовном и гражданском судопроизводстве. Ленинград, 1974.
9. Решетникова И.В. Теория процессуального риска // Закон. 2012. № 6. С. 117–122;
10. Сунцова Ю. Пожил в семье — плати! Почему суды начисляют алименты за чужих детей [Электронный ресурс]: URL: <https://newizv.ru/news/2021-08-12/pozhil-v-semie-plati-pochemu-sudy-nachislyayut-alimenty-za-chuzhikh-detey-331723?ysclid=mhtilubvjx962987467>
11. Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: ОАО ИД «Городец».
12. Хасашин И.А., Хасашин Р.И. Процессуальные риски в арбитражном судопроизводстве // Современное право. 2024. № 10.
13. Юдельсон К.С. Судебные доказательства и практика их использования в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат.
14. Юдин А.В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5.
15. Ярков В.В. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Яркова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма : ИНФРА-М, 2023. — 928 с.

© Кудрявцева Вера Павловна (kvp001@usla.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»